

О медицине в византийском Херсонесе–Херсоне

Пархоменко М. В.

Пархоменко М. В. Про медицину в візантійському Херсонесі–Херсоні. В статті розглядаються особливості розвитку медицини в візантійському Херсоні IV–IX ст. Доводиться безперервний зв'язок античної і середньовічної практичної медицини в місті на прикладі використання тут медичних інструментів і діяльності лікарні. В медичній практиці херсонські лікарі більше тяжіли до античної традиції, ніж до новітніх досягнень Константинополя та інших великих міст Візантійської імперії. В цьому можна вбачати певний консерватизм провінційного ромейського міста.

Ключові слова: Візантія, Херсонес–Херсон, медичні інструменти, лікарня, лікарі.

Пархоменко М. В. О медицине в византийском Херсонесе–Херсоне. В статье рассматриваются особенности развития медицины в византийском Херсоне IV–IX вв. Доказывается непрерывная связь античной и средневековой практической медицины в византийском городе на примере использования тут медицинских инструментов и функционирования больницы. В медицинской практике херсонские врачи скорее тяготели к античной традиции, нежели к новшествам метрополии. В этом прослеживается определенный консерватизм провинциального ромейского города.

Ключевые слова: Византия, Херсонес–Херсон, медицинские инструменты, больница, врачи.

Parhomenko M. V. About medicine in the Byzantine Chersones–Cherson. The article discusses the features of the development of medicine in the Byzantine Cherson IV–IX centuries. We prove the unbroken connection of ancient and medieval practice medicine in the Byzantine Cherson on the example of the use here of medical instruments and the functioning of hospitals. In medical practice Cherson's doctors inclined to the traditions of their ancestors, rather than to innovations in the capital metropolis. Here can be traced certain provincial conservatism of the distant overseas Byzantine city.

The keywords: Byzantium, Chersones–Cherson, medical instruments, hospital, doctors.

Вопросы борьбы с разнообразными недугами и хворями, необходимость поддержания и сохранения здоровья заботили человечество уже на заре его существования, и, таким образом, история медицины уходит своими корнями в первобытное

© Пархоменко М. В.

общество. Каждая новая эпоха имела свои особенности в развитии медицинского обслуживания, каждый культурно-исторический регион приносил свои особенности в копилку общечеловеческого наследия.

При этом, однако, интерес исследователей традиционно был прикован лишь к определенным эпохам в истории медицины, оставляя другие без надлежащего внимания. Так, долгое время не вызвала интереса в отечественной медиевистике византийская медицина, которая так и не стала предметом специального монографического исследования. Видимо, такая ситуация сложилась вследствие пристального внимания к несомненно весомому и ярко освещенному в источниках античному медицинскому наследию. На его фоне история византийской медицины на первый взгляд выглядела лишь упрощенным и даже убогим копированием высоких древнегреческих и, в особенности, древнеримских достижений, служила поучительным примером их консервации, стагнации и, в конечном итоге, неизбежного угасания.

Восприятие Византии в целом, созданное мыслителями эпохи Просвещения и, в особенности, трудом Э. Гиббона, переносилось, таким образом, и на эту часть византийского наследия. Пожалуй, яркой иллюстрацией, которая, казалось бы, подтверждает это нелицеприятное для византийской медицины мнение, может стать § 55 из «Советов и рассказов Кекавмена», носящий красноречивое название «О том, чтобы лечиться без услуг лекарей» и начинающийся словами: «Моли Господа, чтобы не попасть в руки лекаря, даже если он очень искусный, так как он наговорит тебе, чего не надо» [7, с. 241].

Не удивительно поэтому, что в дореволюционной России специальный очерк, посвященный истории византийской медицины, появился лишь в качестве раздела в компилятивной работе С. Ковнера «История средневековой медицины» [5, с. 120]. Лишь спустя столетие после этого первого обращения к медицинской теме, появляется ряд статей по истории византийского здравоохранения авторства З. Г. Самодуровой [13, 14, 15, 16], а также перевод византийского медицинского трактата, выполненный, с надлежащими комментариями, Г. Г. Литавриным [10]. На этом, к сожалению, изучение темы советскими медиевистами прекратилось. На современном этапе отдельные публикации, посвященные византийской тематике, выходят в энциклопедиях по истории медицины, изданных российским Институтом истории медицины [24]. Эти статьи носят компилятивный характер и призваны лишь кратко ознакомить читателя с состоянием медицинского обслуживания в указанный период.

Еще сложнее обстоит дело с историей медицины в отдельных провинциальных городах на окраинах Византийской империи. Если византийская медицина в целом все же удостоилась, пусть и незначительного, внимания отечественных медиевистов, то проблема развития медицинского обслуживания, к примеру, в средневековом

Херсоне, поднималась лишь С. Б. Сорочаном, который предпринял попытку локализовать носокомион и ятрину в городе [22, 23].

В данной статье мы хотим определить причины, породившие подобную историографическую ситуацию в отечественной византистике. Проанализировать на примере Херсонеса-Херсона – провинциального города ромеев, факты, свидетельствующие о предоставлении профессиональной медицинской помощи, определить уровень предоставления лекарских услуг по сравнению с другими городами Византийской империи.

Хронологические рамки работы определяются IV–IX вв. В этот период хорошо прослеживается трансформация античного языческого Херсонеса в надежный форпост Византии – Херсон. Временные рамки продиктованы также имеющимися источниками. В первую очередь, к ним мы относим найденные в результате археологических раскопок медицинские инструменты, происходящие из раскопок слоев IV–V вв. и V–VI вв. на территории Херсонесского городища (НЗХТ., инв. № 154/37041, 1977, 19785709, 18106, 5707, 5702).

Для локализации больницы в городе мы использовали данные отчетов о раскопках большого архитектурного комплекса площадью 1600 кв. м, находящегося рядом с 13 куртиной оборонительных стен, возле Южных или так называемых «Мертвых ворот» [8, 9, 17, 18, 19, 20], а также данные, полученные в результате раскопок в других городах Византии. Здание, предположительно атрибутированное нами в качестве больницы, просуществовало до IX–X ст. [17, 18], чем можно определить верхние хронологические рамки работы. Письменные источники, описывающие врачебную практику в Херсонесе–Херсоне, нам неизвестны, вследствие чего в работе использовались письменные источники общевизантийского характера, позволяющие проводить аналогии.

Анализируя характеристику византийской медицины в отечественных исследованиях, приходим к самой распространенной ее характеристике: «В византийской медицине отсутствовала оригинальность: ее вклад сводился к компиляции и сохранению достигнутого...» [11]. Из работы в работу византийская медицина называется компиляцией, копией (при этом нередко обедненной и ухудшенной) греко-римской медицинской школы. Такой посыл, данный еще в XIX в., перешел через столетия в отечественную науку, вызвав отсутствие научного интереса у медиевистов.

В западной историографии имеется ряд работ, оспаривающих отсутствие оригинальности в византийской медицине, но не отрицающих ее преемственности греко-римской традиции. Живой интерес к византийской медицине на западе вылился в посвященный этой проблеме научный симпозиум, состоявшийся в 1983 г. в Вашингтоне (Symposium on Byzantine Medicine) [27, 29, 34, 36].

Как показали западные исследователи, византийскую медицину по праву можно считать прародителем современной системы здравоохранения в целом и практической медицины в частности. Этот феномен объясняется несколькими причинами, встретившимися в одно историческое время. Первая сформировалась под влиянием многонационального этнического состава Византийской империи, медицина которой впитала в себя опыт греческой, римской, арабской и варварских цивилизаций. Вторую обусловила христианская благотворительность, создавшая из уникального творения римской медицины – больницы – целую систему здравоохранения.

Из всех этнических влияний наибольшее значение для византийских врачей имела традиция греко-римской медицины. Практическая медицина византийцев отличалась высоки уровнем развития, согласно имперским стандартам госпитали существовали не только в Константинополе, но также и в провинциях. Византийская хирургия была высокоразвитой, списки хирургических инструментов предполагают особое искусство, возможно, полученное из известных случаев анатомирования и вскрытия, осуществлявшихся византийскими медиками и хирургами [27, р. 187-120]. Византийской медицине была известна профессиональная специализация, включая в качестве отдельных ветвей акушерство и гинекологию, офтальмологию, дерматологию и врачевание зубов [41, р. 115.].

Византийский Херсон унаследовал традицию античной медицинской практики, пришедшей сюда с врачами из Восточного Средиземноморья [6, с. 137]. Свидетельством служат медицинские предметы, найденные в средневековом городе. Это хирургические зонды, гусиные перья (инструмент для глазных операций), прижигатели, пинцеты, ложечки, терочники для приготовления лекарств, дощечки.

Детальное рассмотрение медицинских инструментов может дать дополнительную информацию о состоянии медицины в византийском Херсоне. Несмотря на то, что византийская медицина знала более чем 200 известных византийских хирургических инструментов (отличных от греческого или римского производства), в византийском Херсоне мы имеем дело с инструментами, характерными еще для античной традиции.

Изготавливали предметы, как и ранее, из бронзы, кости, возможно, железа. Наиболее характерную связь с античной медицинской практикой можно проследить в использовании прожигателей. Как в византийском, так и в античном Херсонесе-Херсоне их использовали для дезинфекции как наружных, так и внутренних ран, прижигались также места ампутации [37]. Средневековому периоду соответствует бронзовый вильчатый прижигатель, ручка которого орнаментирована узором (НЗХТ., инв. № 154/37041). Продолжают античную традицию бронзовые пинцеты, с плоскими (НЗХТ., инв. №1977) и Г-образными губами (НЗХТ., инв. №1978). Их использовали офтальмологи и

хирурги. Как и в античном Херсонесе, в средневековом Херсоне использовали примитивные, без зубчиков, пинцеты [6, с. 135]. В античный период ими вытаскивали посторонние предметы из ран, выщипывали волосы, если это требовалось для операции.

Заслуживает внимания характерная и частая средневековая медицинская находка – полая птичья кость, заостренная на концах (НЗХТ., № 5709, 18106, 5707, 5702). Ее могли использовать для лечения глазных заболеваний, пороков внешних образований, окружающих глаза, хирургического исправления роста конъюнктивы и удаления катаракты [27, р. 187–20; 39, р. 39–44]. Фрагмент каменной дощечки порфирного цвета, использовавшейся, возможно, как и в античный период, для смешивания порошков или для заточки и правки хирургических инструментов [5, с. 132]. Обилие медицинских ложечек – дозаторов, флаконов, весов говорит не только об употреблении, но и о приготовлении лекарств.

При сравнении количества и разнообразия медицинских предметов античного и средневекового Херсонеса-Херсона, может сложиться представление о деградации медицины в средневековую эпоху. Но следует помнить, что сохранности античных медицинских предметов мы обязаны преимущественно погребальному обряду того времени. Традиция предполагала класть вместе с умершим предметы, характеризующие его профессиональный облик. Не случайно все медицинские наборы инструментов были обнаружены в гробницах [6].

В византийском же Херсоне такая практика сохранилась лишь в погребениях умерших, признанных церковью святыми, девственниц и высоких сановников. Медицинские предметы средневекового Херсона из-за случайности находок, возможно, плохо идентифицировались исследователями и, в большинстве своем, вписывались в полевые описи не как медицинские инструменты, а как предметы быта, культа, ремесла. Отсутствие в поле зрения исследователей таких находок средневекового периода, как скальпель, также нельзя объяснить прекращением их использования херсонскими врачами. Лезвие византийского, как и античного скальпеля изготавливалось из стали и в античном Херсонесе практически не сохранились. По точному замечанию В. И. Кадеева, «от них оставались только следы, так как в Херсонесе изделия из черных металлов сохраняются очень плохо» [6, с. 132]. Античные скальпели идентифицировали лишь благодаря рукоятке и соседству с другими хирургическими приборами в наборе, найденном в гробнице. Таких условий для византийских медицинских предметов не было, рукоятки скальпелей, возможно, также не были определены во время раскопок.

Предположить городскую больницу, где херсонские врачи могли бы применить навыки работы с инструментами мы можем на месте большого архитектурного комплекса площадью 1600 кв. м, находящегося рядом с 13 куртиной оборонительных стен, возле Южных или так называемых «Мертвых ворот»; на севере это здание примыкает

к главной поперечной улице. Впервые на это здание, как на возможное место локализации больницы, обратил внимание С. Б. Сорочан, определив возможные рамки его создания и существования [22, с. 962]. Комплекс включал три основные части, объединенные общим планом: западную, представленную трехзальным зданием, возможно многоэтажным, отделанным разноцветным мрамором, фресками, с застекленными окнами; центральную, в виде вместительного водохранилища-цистерны вместимостью около 1500 куб. м воды; восточную, представлявшую собой крытую галерею вдоль оконечности куртины 1 с тремя амбразурами для стрельбы из небольших баллист или катапульт, стрелометов. К последней примыкали несколько обширных помещений, в том числе выложенных каменными плитами с водостоками и отгороженных стеной с пилястрами.

Этот комплекс располагался в одной из оживленнейших частей города и явно служил в ранневизантийский период общественным нуждам. Об этом говорит и техника строительства южного комплекса. Она указывает на единство и близость времени сооружения всех его частей, включая куртину 13. Три части комплекса были выложены из крупных камней, квадров, на известковом и известково-цемянковом растворе с использованием кладки *opus mixtum*, которая применялась в Херсоне преимущественно в ранневизантийское время, до VII в., и только при сооружении общественных построек [23, с. 436]. Но если назначение центрального и восточного строения определить несложно, то функциональная роль западного породила до сих пор не умолкающие споры среди специалистов.

В отчетах о раскопках западной части комплекса К. К. Косцюшко-Валюжинич, начавший раскапывать здание первым, назвал его «термами» [8, л. 10–12]. Эту мысль, проводя последующие раскопки, развила Н. В. Пятыева, заявив о том, что в западной части комплекса находилась «средневековая баня». Но, кроме этой гипотезы Н. В. Пятыевой была высказана еще одна, о том, что мы имеем дело с остатками резиденции первого стратига Херсона, протоспафария Петроны Каматира, а само сооружение существовало во второй половине IX–X вв. [1, с. 150]. Не выдержало критики и предположение В. И. Кадеева, интерпретировавшего весь архитектурный ансамбль как херсонесский гимнасий или палестру с термами, портиком и бассейном первых веков н. э., хотя недавно эту идею попыталась реанимировать А. В. Буйских [2].

Исходя из особенностей всех трех частей этого комплекса, наличия в восточной части мощеных плинфой площадок для установок баллист, важного в военном, стратегическом, оборонительном отношении обширного резервуара для воды, расположение в наиболее безопасной, возвышенной части городища, откуда открывался прекрасный обзор, привели В. М. Зубаря и Л. В. Седикову к выводу о том, что мы имеем дело, скорее всего, с остатками мощного военно-административного

сооружения, назначение которого состояло в контроле за стратегическим объектом – городским водохранилищем, которое обслуживалось отрядом баллистариев, известных из херсонских источников, относящихся к ранневизантийскому времени [3, с. 657-659, 663].

Данное утверждение подтвердило предположение С. Б. Сорочана, усматривавшего в западной части комплекса не баню, не гимнасий и не резиденцию первого стратига Херсона, а раннесредневековую больницу. Его критика предшествующих гипотез о назначении здания касалась, главным образом, датировки существования здания. Учитывая захоронения II–III вв. под зданием, обнаруженные в результате раскопок Н. В. Пятшовой и следов жилой усадьбы, обнаруженных во время раскопок Л. В. Седиковой [17, 18, 19], время строительства сооружения можно отнести к V–VI ст., а время прекращения функционирования к X ст., ко времени строительства поздней застройки на месте здания.

С запада к зданию примыкало главное городское водохранилище, обязательный элемент византийской оборонной инфраструктуры [3]. В этом прослеживается законопослушность градостроителей Херсона, исполнявших большинство имперских указаний. Уже поэтому не остается сомнений, что в Херсоне как византийском городе, имевшем такие необходимые элементы как водохранилище, бани, рынки, храмы, в ранневизантийский период должна была функционировать больница, «как одна из нитей тела византийской цивилизации, без которой жизнь города была бы парализованной» [34, р. 92].

Уже в V в. агиографические и археологические источники говорят о постройке больниц не только в Константинополе, но также в Антиохии и Иерусалиме. Интересным для нас является мотив возведения больницы в Иерусалиме. В начале VI ст. настоятель монастыря Святого Саввы, убедил императора строить огромный носокомион наполняемость в сто кроватей, чтобы «рассмотреть» незнатцев, которые заболели в Святом Городе [30, р. 53]. Эти пациенты собирались из числа многих паломников, которые стекались в Иерусалим, чтобы посетить святые места, а также были бедняками, пришедшими из сельской местности [28, р. 175-177]. Носокомион должен был стать примером христианского милосердия и местом для проповеди христианской веры [33, р. 280-282].

Херсон трудно сравнивать с Иерусалимом, однако центром малого паломничества для христиан Таврии, он, несомненно, был, а значит, ежегодно принимал сотни чужестранцев, которых необходимо было лечить. Кроме того, создание больниц и забота о больных воспринималась византийскими священниками как один из инструментов миссионерской деятельности, а Херсонес, окруженный варварскими народами, как никакой иной город, удачно подходил для роли миссионерского центра [25, с. 155-158]. Нотиции, в которых упоминается Херсон, подтверждают расчет Константинополя сделать из Херсона центр распространения

христианства в Крыму [4, с. 67; 11, с. 74-76]. Новеллы Юстиниана говорят об обязательном наличии в подобных городах больниц и, если учесть бурную строительную деятельность в Херсоне в это время, и ревность горожан в исполнении всех имперских поручений, трудно предположить, что больница не была построена [37, р. 28-31].

Здание, выбранное нами для локализации городской больницы, подходило для этого по многим параметрам. Во-первых, несмотря на свою некоторую схожесть и с храмом, и с баней, оно не могло быть ни тем, ни другим из-за отсутствия обязательного набора структурных деталей. При этом кладка стен, выполненная в характерном для общественных зданий Херсонеса стиле, не оставляет сомнения в гражданском назначении здания. В основном стены сложены из тесаных камней, залитых раствором из извести, песка и толченой керамики. Кое-где использовалась кладка *opus mixtum*, то есть предполагается использование дорогого строительного сырья – кирпича, что также характерно в Херсонесе только для строительства ранневизантийских общественных зданий [22, с. 962].

Строение состояло из трех соединенных проходами помещений. Первое, самое большое, площадью около 180 кв. м, имело прямоугольную форму с выступающей за пределы здания полукруглой нишей – *экседрой* на западной стороне [9, с. 113-119; 8, л. 10-12]. В этой нише находилось большое сводчатое окно шириной и высотой около метра, что давало возможность полностью освещать помещение дневным светом, оконные проемы были отделаны белым мрамором, в окно вставлены толстые литые стекла.

По периметру ниши были устроены шесть квадратных высоких столбиков из очень большого и толстого кирпича. До настоящего времени назначение этих столбиков было исследователям неизвестно, однако соотнесение их с собирательным видом классической византийской больницы может дать ответ на этот вопрос [9, с. л. 10-12].

Археологи с большими трудностями выделяют археологические остатки больницы среди других общественных зданий. Однако в исследовании монашеской архитектуры Анастасиос Орландос сумел пролить некоторый свет на структуру здания византийской больницы. Среди монастырей Метеора в Греции он идентифицировал развалины двух зданий, которые служили больницами [35, р. 153]. Обе постройки датируются временем позже 1453 г. и, таким образом, не были, строго говоря, византийскими учреждениями, однако, они, несомненно, основывались на византийских аналогах и дают нам достаточно информации, чтобы установить главную особенность более ранних византийских больниц. Скалистая местность, на которой расположены монастыри в Метеорах, не должна препятствовать нахождению общевизантийских аналогий, так как больничные постройки располагались на равнинном плато [40].

Эти больницы были простыми квадратными зданиями [28, р. 79-83]. В основе каждой имелся большой очаг, окруженный четырьмя столбами, которые поддерживали купол с вентиляционными отверстиями, чтобы выпускать дым. От этого центрального очага шло четыре прохода, где помещались постели пациентов. А. Орландос подчеркивает, что камин с его дымоходом и куполом был отличительной особенностью византийских больниц. Действительно, письменные источники подтверждают вывод исследователя. Так, в константинопольской больнице XI в. предусматривалось, что этот носоконий должен иметь большой очаг как для приготовления пищи для пациентов, так и для требуемого нагревания и подготовки других вещей, возможно, для приготовления лекарств [42, р. 53]. Следовательно, шесть кирпичных колонн в херсонесском здании могли ограждать очаг и служить опорой для купола с вентиляцией.

Напротив столбов в центре помещения находился разбитый на четыре части мраморный бассейн для омовений, подобный купели для крещения шириной 1,25 м., высотой 0,53 м., то есть подходящий для принятия сидячих ванн [8, л. 10-12]. Среди одобренных процедур, проводившихся в византийских больницах, часто упоминаются, наряду с кровопусканиями, ванны, бальзамы, пластыри, сидячие ванны. Например, при лечении болей в животе наряду с лекарствами (горький мед, смешанный с вином, и множеством других трав, предназначенный для внутреннего применения) предполагалось также принятие двух ванн с добавлением в горячую воду листьев лавра (PantTur, 91.1051-93.2056). Возможно, такие лекарства содержались в многочисленных стеклянных флаконах, вынесенных через водосток на улицу, где были найдены «обломки донышек, ручек и горл от флакончиков и ножек от широких рюмок и кусков от плоских сосудов», в целом в отчете значится 95 обломка [8, л. 10-12].

Пол и стены предполагаемой херсонесской больницы также отвечали византийским аналогам, представленным в Типиконе церкви Пантократора и других источниках, описывающих хорошо организованное медицинское учреждение. Тут присутствует описание мозаик и фресок, которыми были украшены стены больницы [35, р. 155]. Обломки плиток и фресок, которыми были облицованы стены рассматриваемого херсонесского здания, в очень большом количестве были обнаружены при раскопках К. К. Костюшко-Валюженичем. Кроме фресок и штукатурки исследователь обнаружил мраморные части от дверных проемов [8, л. 10-12]. Пол помещения был уложен из мелкого бута и сверху залит толстым слоем прочного известково-цемянкового раствора розового цвета, содержащего мелкий щебень [17, л. 6; 18, л. 8-9]. Такой почти «блестящий», по мнению К. К. Костюшко-Валюженича, пол, подходил, по верному замечанию С. Б. Сорочана, для помещений, в которых предполагалось частое и регулярное мытье и влажная уборка [22, с. 977].

Из большого зала к северу в соседнее помещение вело два проема. Это помещение, меньшее по размеру, имело прямоугольную форму и содержало большой пифос, зарытый по горло в землю, который предназначался, видимо, для хранения продуктов или запасов ингредиентов для лекарств [8, л. 10-12]. Данное хранилище не могло находиться в большом помещении, где должен был размещаться горячий очаг, ванна, то есть там, где невозможно было поддерживать температуру, наиболее подходящую для хранения лекарств. В то же время пифос, врытый в землю, легко обеспечивал необходимый температурный режим. Вслед за залом с пифосом шел еще один прямоугольный зал чуть больше второго [8, л. 10-12].

Таким образом, перед нами сооружение из трех помещений, первое из которых, самое большое, обладало окном, и, возможно, также очагом и ванной. Его пол был выполнен из хорошо моющейся цемянки. Оно вполне могло служить «рабочим» терапевтическим отделением, где могли проводиться и хирургические операции. Письменные источники говорили о необходимости отделения таких помещений от места, где находились постели больных (PantTur, 91.1051-93.2056). Кроме того, обязательным элементом византийской больницы было женское отделение, которым и могло быть последнее, дальнее помещение.

Следовательно, мы можем вполне определенно говорить, что на месте помещения около 13 куртины, как и предполагал С. Б. Сорочан, находилась общественная больница, состоящая из терапевтического отделения, женского и мужского спальных отделений.

Наличие медицинских инструментов и больницы позволяет проследить непрерывную связь античной и средневековой практической медицины в византийском Херсоне. Среди инструментов мы не можем пока идентифицировать те, что были изобретены в Византии и не использовались в античный период. Следовательно, в медицинской практике врачи Херсонеса – Херсона скорее тяготели к античной традиции предков, нежели к новшествам метрополии. В этом прослеживается определенный провинциальный консерватизм далекого заморского провинциального ромейского города.

Примечания

1. *Богданова Н. М.* Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города / Н. М. Богданова // Причерноморье в средние века. – М., 1991.
2. *Буйских А. В.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху / А. В. Буйских. – Симферополь, 2008. (Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Supplementum. – Вып. 5.)

3. *Зубарь В. М.* История археологических исследований и некоторые итоги изучения южного района Херсонеса-Херсона / В. М. Зубарь, Л. В. Седикова // Сугдейский сборник. – 2008. – Вып. 3.
4. *Иванов С. А.* Византийская религиозная миссия X–XI вв. с точки зрения византийцев / С. А. Иванов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2000. – № 3.
5. История средневековой медицины / Под ред. Ковнера С. – Киев, 1893. – Вып. 1-2.
6. *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический: быт и культура / В. И. Кадеев – Харьков, 1996.
7. Кекавмен. Советы и рассказы: Поучение византийского полководца XI века. – СПб., Алетейя, 2003.
8. *Косцюшко-Валюжнич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1898 г. / К. К. Косцюшко-Валюжнич // Архив НЗХТ. – Д. № 7.
9. *Косцюшко-Валюжнич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1888 г. / К. К. Косцюшко-Валюжнич // ОАК за 1888 год. – СПб., 1891.
10. *Литаврин Г. Г.* Византийский медицинский трактат XI–XIV вв. (по рукописи Cod. Plut. 7, 19 Библиотеки Лоренцо Медичи во Флоренции) / Г. Г. Литаврин // ВВ. – 1971. – Т. 31.
11. Медицина: Средние века // Энциклопедия Кольера. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slovoedia.com>. Доступ – 28.06.2009.
12. *Науменко В. Е.* Церковно-политические контакты Византийской империи и Хазарского каганата в середине IX в. / В. Е. Науменко // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. – М., 2002.
13. *Самодурова З. Г.* Естественнаучные знания / З. Г. Самодурова // Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. – М., 1989.
14. *Самодурова З. Г.* Естественнаучные знания / З. Г. Самодурова // Культура Византии. Вторая половина IV–VII вв. – М., 1987.
15. *Самодурова З. Г.* К вопросу о характере естественнаучных знаний в Византии VII–XII вв. / З. Г. Самодурова // ВВ. – 1993. – Т. 54.
16. *Самодурова З. Г.* Система подготовки врачей в Византии в VII–XII вв. Центры медицинского обучения / З. Г. Самодурова // Византийские очерки. – М., 1996.
17. *Седикова Л. В.* Отчет о раскопках терм в южном районе Херсонеса / Л. В. Седикова // Архив НЗХТ. – Д. №3301. – 1996.
18. *Седикова Л. В.* Отчет о раскопках терм в южном районе Херсонеса в 1999 г. / Л. В. Седикова // Архив НЗХТ. – Д. №3434.
19. *Седикова Л. В.* Отчет о раскопках на участке «водохранилища» в Херсонесе в 1987 году / Л. В. Седикова // Архив НЗХТ. – Д. №2758.
20. *Седикова Л. В.* Отчет о раскопках на участке древнего водохранилища Херсонеса в 1988 году / Л. В. Седикова // Архив НЗХТ. – Д. №2857.

21. *Сорочан С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена / С. Б. Сорочан. – Харьков, 2001.
22. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.) Очерки истории и материальной культуры / С. Б. Сорочан. – Ч. 1-2. – Харьков, 2005.
23. *Сорочан С. Б.* Еще раз о монументальном архитектурном комплексе в южном районе византийского Херсона / С. Б. Сорочан // Боспорские исследования. – Симферополь, Керчь, 2010. – Вып. 24.
24. *Сорокина Т. Г.* История медицины в двух томах / Т. Г. Сорокина. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.historymed.ru>. Доступ – 27.09.2009.
25. *Яшаева Т. Ю.* Херсонес как центр малого паломничества / Т. Ю. Яшаева // Православные древности Таврики. – К., 2002.
26. *Orlandos A.* Monasteriake architetonike / A. Orlandos – Athens, 1927.
27. *Bliquez L.* Two Lists of Greek Surgical Instruments and the State of Surgery in Byzantine Times / L. Bliquez // DOP. – 1984. – Vol. 38.
28. *Cyril of Skythopolis, Vita S Sabae* / Ed. Eduard Schwartz. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.scribd.com/doc/55539339/1/I-JEWS-AND-CHRISTIANS>. Доступ – 08.05.2011.
29. *Duffy J.* Byzantine Medicine in the Sixth and Seventh Centuries: Aspects of Teaching and Practice / J. Duffy // DOP. – 1984. – Vol. 38.
30. *Kallistos.* Probably drawing on Theodore Anagnostes. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.scribd.com/doc/35486210/Byzantium-between-ottomans-latins>. Доступ – 27.11.2010.
31. *Kazhdan A.* The Image of the Medical Doctor in Byzantine Literature / A. Kazhdan // DOP. – 1984. – Vol. 38.
32. *Magoulias H. J.* The Lives of Saints as Sources of Data for the History of Byzantine in the Sixth and Seventh Centuries / H. J. Magoulias // Byzantinische Zeitschrift. – 1964. – Bd. 57.
33. *Mannell Philae carmina ex codicibus escurialensibus, florentinis, parisinis et vaticanis nunc primum* / Ed. E. Miller. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archive.org/details/manuelisphilaec00philgoog>. Доступ – 27.11.2010.
34. *Miller T. S.* Byzantine Hospitals / T. S. Miller // DOP. – 1984. – Vol. 38.
35. *Miller T. S.* The Birth of the Hospital in the Byzantine Empire / T. S. Miller. – Baltimore. – London, 1985.
36. *Miller T. S.* Byzantine Hospitals / T. S. Miller // DOP. – 1984. – Vol. 38.
37. *Miracula S. Artemii* // Papadopoulos-Kerameus A. Varia graeca sacra. – St. Petersburg, 1909.
38. *Pentagalos G. E.* A surgical operation performed on Siamese twins during the tenth century in Byzantium / G. E. Pentagalos, J. G. Lascaratos // Bulletin of the History of Medicine. – 1984. – Vol. 58.

39. Scarborough J. Roman Medicine / J. Scarborough. – London, 1969.
40. Sofianos D. Z. Metéora / D. Z. Sofianos // Holy Monastery of Great Meteoro, 1991.
41. Temkin O. Byzantine Medicine, Tradition and Empiricism / O. Temkin // DOP. – 1962. – Vol. 16.
42. Typikon Isaakiou Alexiou Komnenou tes mones Theotokou tes Kosmosoteiras. – Komotene, 1994.

УДК: 947.05(477.11)«17»:262

Інститути влади через призму історії повсякдення (на прикладі Київської митрополії XVIII ст.)

Прокоп'юк О. Б.

Прокоп'юк О. Б. Інститути влади через призму історії повсякдення (на прикладі Київської митрополії XVIII ст.). В статті здійснено спробу показати важливість історії повсякдення для вивчення інститутів влади на прикладі Київської духовної консисторії та духовних правлінь у XVIII ст. Саме дослідження таких структур повсякдення, як режим роботи, прибутки і витрати, їжа, житло, дозволило відповісти на таке важливе питання, як сприйняття реформування органів єпархіальної влади їх кадровим складом; збагнути причини невисокої ефективності роботи духовної консисторії та духовних правлінь.

Ключові слова: Київська духовна консисторія, Київська митрополія, історія Церкви.

Прокоток О. Б. Институты власти через призму истории повседневности (на примере Киевской митрополии XVIII в.). В статье предпринята попытка показать важность истории повседневности для изучения институтов власти на примере Киевской духовной консистории и духовных правлений в XVIII в. Именно исследование таких структур повседневности, как режим работы, доходы и траты, еда, жилье, позволило ответить на такой важный вопрос, как восприятие реформирования органов епархиальной власти их кадровым составом; понять причины невысокой эффективности работы духовной консистории и духовных правлений.

Ключевые слова: Киевская духовная консистория, Киевская митрополія, история Церкви.

Prokopyuk O. B. The Institutes of Authorities in the Light of Daily History (after the example of the Kyivan Metropolis of the 18th century). In the article they made an attempt to underline an importance of the daily history in study the Institutes Authorities after the example of the Kyivan Ecclesiastical Consistory and Ecclesiastical Government in the 18th century. Namely, the research of those everyday structures, such as: work regime, profits and expenses, food, dwellings, and everyone can answer a very important question, perception of the Eparchy Government Bodies reform of their personal staff, to comprehend the reasons of a low-grade work effectiveness of the Ecclesiastical Consistory and Ecclesiastical Government.

The keywords: the Kyivan Ecclesiastical Consistory, the Kyivan Metropolis, the Church History.

Часто історія повсякдення стоїть перед загрозою перетворитися на дослідження таких структур повсякдення, як їжа, житло, одяг і т.п. як «речей в собі». Натомість важливішим є їх вивчення, наприклад, для пояснення процесів, явищ, змін, що відбуваються в суспільстві [3, с. 7-14]. Треба також сказати, що студіювати історію повсякдення вже стало традиційно в контексті дослідження соціуму. Тоді як таке поєднання ще й з інституційною історією виглядає більш неочікувано й зустрічається рідше, хоча кожна інституція має, так би мовити, і соціальну складову, представлену її кадровим складом. Ми маємо на меті продемонструвати важливість вивчення повсякдення для дослідження інститутів влади, особливо Середньовіччя і Нового часу.

Для нас полем такого експерименту стали колегіальні органи єпархіального управління Київської митрополії – духовна консисторія та духовні правління. Спробуємо показати на конкретному прикладі, які структури повсякдення вдалося тут дослідити і яким чином це допомогло/позначилося на вивченні інституції загалом.

Духовна консисторія, як орган в системі управління Київської митрополії, швидше за все, з'явилася внаслідок реформаторської діяльності Петра Могили наприкінці 1634 або на початку 1635 р. через запозичення, очевидно, досвіду Римо-Католицької та Унійної церков [1, с. 498-499]. Однак її витоки можна шукати в традиціях соборноправності та функціонуванні крилосів ще в давньоруську добу [5, с. 18-23; 6, с. 1-34; 4, с. 31-42; 33, с. 124-131]. Ранній період функціонування духовної консисторії практично не задокументований. Дослідження Київської духовної консисторії, ґрунтоване на численних документах, а не принагідних згадках, можливе не раніше 1720-х рр. Тут необхідно зробити зауваження, що, до певної міри, актуалізує звернення до повсякденної історії, оскільки саме структури повсякденності є чи не найкращим маркером, що відображає різноманітні реформування і трансформації. З набуттям чинності Духовного Регламенту (25 січня 1721 р.) установа зазнає певного реформування. Для нас цікаві не лише